П. КРОПОТКИНЪ.

КОММУНИЗМЪ и АНАРХІЯ.

ЦѢНА 30 КОП.

ИЗДАНІЕ ГРУППЫ
ОСВОБОЖДЕННЫХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ.

Москва, 1917 г.

Типографія В. А. ФРОЛОВА, Москва, Б. Лубянка, Варсонофьевск. пер., д. 9.

5к

51237

П. КРОПОТКИНЪ.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ
Центральная Библіотека
Земскихъ и по земскимъ
вопросамъ изданій
ЗЕМСКАЯ УПРАВА

КОММУНИЗМЪ и АНАРХІЯ.

ИЗДАНІЕ ГРУППЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ОСВОБОЖДЕННЫХЪ.

5к 3-й отд.

НХ
1241

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

2000
31

АНАРХІЯ

Отвержена и проклята ты всѣми,
Никѣмъ не понята, ты—ужасъ нашихъ дней:
Кричатъ вездѣ, что ты борьба и хаосъ,
Что ты—кровавое убійство безъ конца.
Пускай кричатъ! Пускай! Имъ незнакомо
Желанье истину за словомъ отыскать,
Имъ не узнать, что значитъ это слово,
Они останутся слѣпцами средь слѣпыхъ,
Но, слово, ты—такъ ясно, сильно, чисто,
Ты выражаешь все, къ чему стремлюся я.
Тебѣ грядущее! Твоимъ оно и будетъ
Когда вернется каждый самъ къ себѣ.
Взойдешь-ли солнцемъ ты? Иль бурей грянешь.
Того не знаю я, но знаю, ты придешь.
„Я—анархистъ?—Зачѣмъ?—Я не желаю
Господства для себя и рабства не хочу“

Д. Т. Макай.

Коммунизмъ и анархія.

На важности этого вопроса едва-ли нужно настаивать. Многіе анархисты и многіе мыслители вообще,—вполнѣ признавая всѣ выгоды коммунистическаго строя,—видятъ въ немъ, однако, серьезную опасность для общественной свободы и для свободнаго развитія личности. Что такая опасность дѣйствительно существуетъ, нѣтъ никакого сомнѣнія. Притомъ, коснувшись этого предмета, приходится разобрать другой, еще болѣе важный вопросъ—о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества вообще.

Къ несчастію, вопросъ о коммунизмѣ осложнился разными ошибочными воззрѣніями на эту форму общественной жизни, получившими довольно широкое распространеніе. Въ большинствѣ случаевъ, подъ именемъ коммунизма проповѣдывался коммунизмъ, болѣе или менѣе, христіанскій и монастырскій—и, во всякомъ случаѣ, подначальный, то-есть подчиненный строгой центральной власти. Въ такомъ видѣ его проповѣдывали въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка, и въ такомъ видѣ его осуществляли въ немаломъ числѣ общинъ. Принимая за образецъ семью, эти общины стремились создать „великую коммунистическую семью“ и, ради этого, хотѣли прежде всего „переродить человѣка“. Вслѣдствіе этого, помимо труда сообща, онѣ налагали на своихъ членовъ тѣсное, семейное сожительство, удаленіе отъ современной цивилизаціи, обособленіе коммуны и вмѣшательство „братьевъ и сестеръ“ во всѣ малѣйшія проявленія внутренней жизни каждаго изъ членовъ общины.

Затѣмъ, въ разсужденіяхъ о коммунизмѣ часто смѣшиваютъ мелкія единичныя общины, многократно создававшіяся

за послѣднія триста или четыреста лѣтъ, и тѣ общины,—имѣющія возникнуть въ большомъ числѣ и вступающія между собою въ союзные договоры, которыя могутъ создаться въ обществѣ, выступившемъ на путь соціальной революціи.

Такимъ образомъ, для успѣшнаго обсужденія вопроса о коммунизмѣ и о возможности обезпечить личную независимость въ коммунистическомъ обществѣ,—необходимо разсмотрѣть порознь слѣдующіе вопросы:

1) Производство и потребленіе сообща, то-есть,—какимъ образомъ можно устроить работу сообща и какъ пользоваться сообща всѣмъ, что нужно для жизни?

2) Совмѣстную жизнь—то-есть, необходимо-ли устраивать ее непремѣнно по образцу большой семьи?

3) Единичныя и разбросанныя общины, общины возникающія въ настоящее время; и

4) Общины будущаго строя, вступающія между собою въ союзный договоръ (федерацію);

И, наконецъ, 5)—общинная жизнь влечетъ-ли за собою неизбѣжно подавленіе личности? Другими словами—положеніе личности въ общинномъ строѣ.

I.

Подъ именемъ соціализма вообще, въ теченіе девятнадцатаго вѣка совершилось громаднѣйшее умственное движеніе. Началось оно съ Бабефа, Фурье, Сенъ-Симона, Роберта Оуэна и Прудона, и продолжалось ихъ многочисленными послѣдователями: французскими (Консидеранъ, Пьеръ Леру, Луи Бланъ), нѣмецкими (Марксъ, Энгельсъ, Шефле), русскими (Чернышевскій, Бакунинъ) и такъ далѣе,—которые либо распространяли въ понятной формѣ воззрѣнія основателей современнаго соціализма, либо старались утвердить ихъ на научномъ основаніи.

Мысли основателей соціализма, по мѣрѣ того, какъ онѣ вырабатывались въ болѣе опредѣленныхъ формахъ, дали начало двумъ главнымъ соціалистическимъ теченіямъ: коммунизму начальническому и коммунизму анархическому (безначальному), а равно и нѣсколькимъ промежуточнымъ формамъ, выискивающимъ компромиссы, или сдѣлки, между теперешнимъ обществомъ и коммунистическимъ строемъ. Таковы школы: государственнаго капитализма (государство владѣетъ всѣмъ необходимымъ для производства и жизни вообще), коллективизма (всѣмъ выплачивается задѣльная плата, по рабочимъ часамъ, бумажными деньгами, въ которыхъ мѣсто рублей заняли рабочіе часы), кооперацiи (производительныя и потребительныя артели), городского соціализма (полу-соціалистическія учрежденія, вводимыя городскою управою или муниципалитетомъ) и многія другія.

Въ то же время, въ чисто-рабочей средѣ, тѣ же мысли основателей соціализма (особенно Роберта Оуэна) помогли образованію громаднаго рабочаго движенія. Оно стремится соединить всѣхъ рабочихъ въ союзы по ремесламъ, ради прямой, непосредственной борьбы противъ капитала; и мало по малу это движеніе (породившее въ 1864—1879 годахъ Интернаціоналъ, или Международный Союзъ Рабочихъ) стремится установить всенародную связь между объединенными ремеслами, и успѣваетъ въ этомъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ международныя сношенія становятся болѣе удобными.

* *
*

Три существенныхъ пункта было установлено этимъ громаднымъ движеніемъ, умственнымъ и революціоннымъ, и эти три пункта глубоко проникли за послѣднія тридцать лѣтъ въ общественное сознаніе. Вотъ они:—

1) Уничтоженіе задѣльной платы, выдаваемой капиталистомъ рабочему,—такъ какъ представляетъ она собою ничто иное, какъ современную форму древняго рабства и крѣпостного ига;

2) Уничтоженіе личной собственности на то, что необходимо обществу для производства; и

3) Освобожденіе личности и общества отъ той формы политическаго порабощенія—государства,—которая служитъ для поддержанія и сохраненія экономическаго рабства.

По этимъ тремъ пунктамъ, можно сказать, установилось уже нѣкоторое соглашеніе между мыслящими соціалистами.

Дѣйствительно, даже коллективисты, которые настаиваютъ на необходимости „рабочихъ чековъ“, или платы по часамъ работы, а равно и тѣ, которые говорятъ, какъ выразился поссибилистъ („возможникъ“) Брусъ: „Всѣ должны быть чиновниками! (Tous—fonctionnaires), то-есть, что всѣ рабочіе должны быть на жалованьи, либо у государства, либо у города, либо у сельской общины,—даже они соглашаются, въ сущности, съ вышеупомянутыми тремя пунктами.—Они предлагаютъ ту или другую временную сдѣлку только потому, что не предвидятъ возможности сразу перейти отъ теперешняго строя къ коммунизму. Они идутъ на сдѣлки потому что считаютъ ихъ неизбѣжными; но ихъ конечная цѣль—все-таки остается коммунизмъ.

Что же касается до государства, то даже тѣ изъ нихъ, которые остаются ярыми защитниками сильной государственной власти и даже диктатуры, признаютъ (какъ выразился однажды Энгельсъ), что когда классы, существующіе теперь, будутъ уничтожены, то съ ними исчезнетъ и надобность въ государствѣ.

Такимъ образомъ, нисколько не стремясь преувеличивать значеніе анархической партіи въ соціалистическомъ движеніи, изъ-за того только, что она—„наша“ партія, мы должны признать слѣдующее:—

Каковы бы ни были разногласія между различными партіями обще-соціалистическаго движенія—причемъ эти

разногласія обусловливаются, въ особенности, различіемъ въ способахъ дѣйствія, болѣе или менѣе, революціонныхъ, принятыхъ тою или другою партіею,—всѣ мыслители соціалистическаго движенія, къ какой бы партіи они ни принадлежали, признаютъ, что конечной цѣлью соціалистическаго развитія должно быть *развитіе вольнаго коммунизма.* Все остальное,—сами же они сознаются—есть ничто иное, какъ рядъ переходовъ на пути къ этой цѣли.

* *
*

Всякое разсужденіе о *переходахъ,* которые придется сдѣлать на пути къ цѣли, будетъ совершенно безполезно, если оно не будетъ основано на изученіи тѣхъ *направленій,* тѣхъ зачаточныхъ переходныхъ формъ, которыя теперь уже намѣчаются въ современномъ обществѣ.

Среди этихъ различныхъ направленій, два особенно заслуживаютъ нашего вниманія.

Одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, что, по мѣрѣ того, какъ сложнѣе становится жизнь общества, все труднѣе и труднѣе бываетъ опредѣлить, какая доля въ производствѣ пищи, одежды, машинъ, жилья и тому подобнаго, по справедливости, должна приходиться на долю каждаго отдѣльнаго работника. Земледѣліе и промышленность до того осложняются и взаимно переплетаются, всѣ отрасли промышленности до того начинаютъ зависѣть другъ отъ друга, что оплачивать трудъ, смотря по количеству добытыхъ или выработанныхъ продуктовъ, становится все болѣе и болѣе невозможнымъ, если стремиться къ справедливости. Работая одинаково усердно, два человѣка, на разнаго сорта землѣ, въ разные годы, или въ двухъ разныхъ угольныхъ копяхъ, или же на двухъ разныхъ ткацкихъ фабрикахъ при разныхъ машинахъ, или даже на той же машинѣ, но при разномъ хлопкѣ, произведутъ различныя количества хлѣба, угля, тканей.

Поэтому мы видимъ, что, чѣмъ развитѣе становится данная промышленность, тѣмъ болѣе исчезаетъ въ ней поштучная заработная плата,—тѣмъ охотнѣе замѣняется она поденною платою, по столько-то въ день.

Съ другой стороны, сама поденная плата имѣетъ стремленіе къ уравненію. Теперешнее общество, конечно, продолжаетъ дѣлиться на классы, и есть цѣлый громаднѣйшій классъ „господъ“ или буржуа, у которыхъ жалованье тѣмъ выше, чѣмъ менѣе они сработаютъ въ день. Затѣмъ, среди самихъ рабочихъ есть также четыре крупныхъ разряда, въ которыхъ рабочій день оплачивается очень различно; а именно: женщины, сельскіе рабочіе, чернорабочіе и рабочіе знающіе какое нибудь ремесло. Но эти четыре разряда различно оплачиваемыхъ рабочихъ представляютъ только четыре разряда эксплуатаціи рабочаго его хозяиномъ, и каждаго разряда самихъ рабочихъ—другими, высшими разрядами: женщинъ—мужчинами, сельскихъ рабочихъ—фабричными.

Теперь оно такъ; но въ обществѣ, въ которомъ установится равенство между людьми, и въ которомъ хозяинъ не сможетъ пользоваться подчиненнымъ положеніемъ рабочаго, мужчина—подчиненнымъ положеніемъ женщины, а городской рабочій—подчиненнымъ положеніемъ крестьянина,—въ такомъ обществѣ, дѣленіе на классы исчезнетъ. И поэтому, совершенно справедливо было замѣчено, что для правильноустроеннаго общества, рабочій день землекопа стоитъ столько же, то-есть *имѣетъ одинаковую цѣнность*, что и день ювелира, или учителя. Въ силу этого, еще Робертъ Оуэнъ, а за нимъ Прудонъ, предложили, и даже оба попробовали ввести *рабочіе чеки;* то есть, каждый человѣкъ, проработавшій, скажемъ, пять часовъ въ какомъ бы то ни было производствѣ, признанномъ полезнымъ и нужнымъ, получаетъ квитанцію съ означеніемъ: *„пять часовъ“;* и съ этою квитанціею онъ можетъ купить въ общественномъ магазинѣ любую вещь—ѣду, одежду, предметъ роскоши—или же заплатить за квартиру, за проѣздъ по желѣзной дорогѣ и такъ далѣе, представляющіе то же количество часовъ работы

другихъ людей. Эти самые рабочіе чеки, коллективисты и предлагаютъ ввести въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ для оплаты всякаго рода труда.

* *
*

Если вдуматься, однако, во все то, что до сихъ поръ было сдѣлано, чтобы установить общественное, соціалистическое пользованіе чѣмъ бы то ни было, мы не видимъ,—за исключеніемъ нѣсколькихъ тысячъ фермеровъ въ Америкѣ, которые ввели между собою рабочіе чеки,—мы не видимъ, чтобы гдѣ нибудь мысль Роберта Оуэна и Прудона, проповѣдуемая теперь коллективистами, привилась въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Со времени попытки Оуэна, сдѣланной три-четверти вѣка тому назадъ, рабочій чекъ не привился нигдѣ. И я указалъ въ другомъ мѣстѣ *(Хлѣбъ—для всѣхъ*, глава о задѣльной платѣ), какое внутреннее противорѣчіе мѣшаетъ широкому приложенію этого проекта.

За то, мы замѣчаемъ, наоборотъ, множество всевозможныхъ попытокъ, сдѣланныхъ именно въ направленіи коммунизма —либо частнаго, ограниченнаго, неполнаго, либо даже полнаго.

Многія сотни коммунистическихъ общинъ были основаны въ теченіе девятнадцатаго вѣка въ Европѣ и въ Америкѣ; и, даже въ настоящую минуту, намъ лично извѣстно навѣрное около сотни, если не болѣе, общинъ, живущихъ болѣе, или менѣе на началахъ коммунизма. И если бы кто-нибудь занялся описаніемъ всевозможныхъ, большихъ и малыхъ, коммунистическихъ и полу-коммунистическихъ общинъ, разсѣянныхъ по бѣлу свѣту, (какъ это сдѣлалъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, Нордхофъ для Америки), то картина получилась бы весьма любопытная.

Но еще поразительнѣе количество попытокъ обобществленія, дѣлающихся повсемѣстно, среди самой буржуазіи, на началахъ коммунизма, *хотя и частнаго, ограниченнаго,*

неполнаго. И дѣлаются эти попытки либо большими группами частныхъ лицъ, либо цѣлыми городами (такъ-называемый муниципальный или городской соціализмъ).

* * *

Что такое гостиница, пароходъ, швейцарскій „пансіонъ", какъ не попытки, дѣлающіяся въ этомъ направленіи среди буржуазнаго общества? За опредѣленную плату—столько-то рублей въ день—вамъ представляется выбирать, что вамъ вздумается изъ десяти блюдъ, или изъ пятидесяти блюдъ, на большомъ пароходѣ, и никому въ голову не приходитъ учитывать, сколько вы чего съѣли. Такая организація теперь установилась даже международная. Уѣзжая изъ Лондона или Парижа, вы можете запастись билетами (по 2 рубля 50 копѣекъ въ день), и по этимъ билетамъ вы получаете комнату, кровать и столъ въ сотняхъ гостиницъ, разсѣянныхъ во Франціи, Германіи, Швейцаріи, Италіи, и принадлежащихъ къ международному союзу гостиницъ.

Буржуа прекрасно поняли, какую громадную выгоду представляетъ имъ этотъ видъ ограниченнаго коммунизма, *для потребленія*,—соединеннаго съ полною независимостью личности; вслѣдствіе этого, они устроились такъ, что за опредѣленную плату, по столько-то въ день или въ мѣсяцъ, всѣ ихъ потребности жилища и ѣды бываютъ вполнѣ удовлетворены, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсчетовъ. Предметы роскоши, конечно, не входятъ въ этотъ договоръ: за тонкія вина и за особенно роскошныя комнаты приходится платить особо; но за плату одинаковую для всѣхъ, основныя потребности удовлетворены, не считая того, сколько каждый отдѣльный путешественникъ съѣстъ, или не доѣстъ за общимъ столомъ.

* * *

Застрахованіе отъ пожаровъ,—особенно въ селахъ, гдѣ существуетъ до нѣкоторой степени приблизительное равенство въ достаткахъ всѣхъ жителей, и гдѣ поэтому страховая

премія взимается равная со всѣхъ, застрахованіе отъ случайныхъ увѣчій на двухъ-коляскѣ, или во время путешествій по желѣзнымъ дорогамъ; застрахованіе отъ воровства, причемъ вы платите въ Англіи немного болѣе рубля въ годъ (полъ-кроны), и компанія выплачиваетъ вамъ, по вашей собственной оцѣнкѣ, за все, что бы у васъ ни украли, цѣною до тысячи рублей—и дѣлаетъ это безъ всякихъ разбирательствъ и безъ всякаго обращенія къ полиціи („Съ какой стати?"—говорилъ намъ агентъ—„обращаться къ полиціи! все равно она ничего не разыщетъ, а вашъ рубль покрываетъ наши платежи и другіе расходы, еще съ барышемъ")—все это формы частнаго коммунизма, или вѣрнѣе артельной жизни, возникающія чрезвычайно быстро за послѣднія двадцать-пять лѣтъ. Прибавьте къ этому еще ученыя общества, которыя за такую-то плату въ годъ даютъ вамъ библіотеку, комнаты для вашихъ работъ, музей или зоологическій садъ, которыя ни одинъ милліонеръ не можетъ купить на свои милліоны; прибавьте клубы, дающіе вамъ комнату, библіотеку, общество и всякія другія удобства; возьмите общества застрахованія на случай болѣзни; возьмите артельныя путешествія, устраиваемыя не только частными агентами, но и образовательными учрежденіями (Polytechnic Tours въ Англіи); или возьмите обычай, распространяющійся теперь въ Англіи, что за рубль, или даже за полтинникъ въ недѣлю, вамъ доставляютъ на домъ, прямо отъ рыболововъ, столько рыбы, сколько вы можете съѣсть въ недѣлю въ вашей семьѣ; возьмите клубъ велосипедистовъ, съ его тысячами мелкихъ удобствъ и услугъ, оказываемыхъ членамъ, и такъ далѣе и такъ далѣе.

Словомъ, мы имѣемъ передъ собою сотни учрежденій, возникшихъ очень недавно и распространяющихся съ необыкновенною быстротою, основанныхъ на началахъ приближенія къ коммунистическому пользованію цѣлыми обширными отраслями потребленія,

И, наконецъ, мы имѣемъ еще, тоже быстро разростающіяся городскія учрежденія коммунистическаго рода. Городъ берется доставлять всѣмъ воду, за столько-то въ

годъ, не считая въ точности, сколько вы израсходуете воды; газъ; электричество, для освѣщенія и какъ рабочую силу (ради этого Манчестеръ рѣшилъ уже купить свои угольныя копи). Города имѣютъ теперь свои гавани и доки, свои конки, свои электрическіе трамваи, съ одинаковою платою за большое или за малое разстояніе (начиная отъ нѣсколькихъ сотъ шаговъ до 30-ти верстъ, вы платите въ Америкѣ все ту же плату), свои общественныя бани и прачешныя, и наконецъ, города начинаютъ строить свои общественные дома; или же городъ держитъ своихъ овецъ, или, наконецъ, заводитъ свою молочную ферму (Торкэ въ Англіи). И, съ каждымъ годомъ, эти попытки расширенія городского хозяйства въ коммунистическомъ направленіи растутъ, и распространяется область ихъ приложеній.

II.

Конечно, все это-еще не коммунизмъ. Далеко не коммунизмъ. Но основная мысль всѣхъ этихъ учрежденій содержитъ въ себѣ частицу коммунистическаго начала. А именно: *За извѣстную плату, по столько-то въ годъ, вы имѣете право удовлетворить такой-то разрядъ вашихъ потребностей*— за исключеніемъ, конечно, роскоши въ этихъ потребностяхъ. Теперь вы еще платите за это деньгами, но близокъ день, когда платить можно будетъ и трудомъ: начало уже положено.

Многаго еще конечно, не достаетъ этимъ учрежденіямъ, чтобы стать коммунистическими; главнымъ образомъ, некоммунистично то, что, во-первыхъ, плата производится деньгами, а не трудомъ; а во-вторыхъ, потребители, по крайней мѣрѣ, въ частныхъ предпріятіяхъ, не имѣютъ голоса въ завѣдываніи дѣломъ.

Но нужно также замѣтить слѣдующее. Если бы основная мысль этихъ учрежденій была правильно понята, то не трудно было бы, *уже теперь,* завести даже частному предпринимателю, такую общину, въ которой первый пунктъ (то-есть уплата трудомъ) былъ бы уже введенъ. Возьмите, напримѣръ, участокъ земли, скажемъ въ 500 десятинъ. На

этой землѣ строится двѣсти домовъ,—каждый съ садомъ въ четверть десятины. Остальная земля обращается въ поля, огороды и общественные сады. Предприниматель берется, либо представлять каждой семьѣ, занимающей эти дома, на выборъ, любыя изъ пятидесяти блюдъ, приготовляемыхъ имъ каждый день (какъ въ американской гостиницѣ) или же онъ доставляетъ желающимъ готовый хлѣбъ, сырое мясо, овощи, чай и кофе,—сколько они потребуютъ—чтобы готовить у себя на дому (шагъ въ этомъ направленіи дѣлаютъ рыбаки, доставляя на домъ рыбу). Отопленіе производится, конечно, по американски, изъ общей печи по трубамъ съ горячей водой. За все это хозяинъ учрежденія беретъ съ васъ—либо плату деньгами, по столько-то въ день, либо оплату работою, по столько-то часовъ въ день, въ любой изъ отраслей, нужныхъ для его села-гостиницы. Работайте по вашему выбору въ поляхъ, или въ огородѣ, или на кухнѣ, или по уборкѣ комнатъ, столько-то часовъ въ день, и ваша работа зачтется въ уплату за вашу жизнь. Такое учрежденіе можно было бы завести хоть завтра и приходится удивляться одному,—что этого давно уже не было сдѣлано какимъ нибудь предпріимчивымъ содержателемъ гостиницы*).

*) Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, я ѣздилъ въ Америку. Тамъ, въ Кембриджѣ (около Бостона) устроена при университетѣ, кромѣ громадной, роскошной столовой для богатыхъ студентовъ, еще громадное, не менѣе художественное зданіе—очень дешевая столовая для болѣе бѣдныхъ студентовъ. А такъ какъ у многихъ студентовъ, и тутъ нечѣмъ платить, то ихъ охотно берутъ въ половые, чтобы прислуживать за столами въ часы обѣда, и студенты въ Америкѣ, какъ извѣстно, очень охотно это дѣлаютъ. Они платятъ, такимъ образомъ, за свой столъ не деньгами, а трудомъ, по извѣстному разсчету. Нѣтъ никакой причины, почему при этихъ столовыхъ не завести бы также свою ферму: Бостонъ, показывается—большой производитель земледѣльческихъ и садовыхъ продуктовъ—главный, по денежному обороту, садовый и огородный центръ въ штатѣ Массачусетсъ. Впрочемъ, и объ этомъ уже поднята была нами рѣчь, и идея принята сочувственно. Школьныя фермы, навѣрно, скоро привьются теперь въ Америкѣ заведутъ ферму и при университетѣ.

По всей вѣроятности, нѣкоторые читатели замѣтятъ, что, именно, на этомъ пунктѣ—то есть на работѣ сообща—коммунисты навѣрно провалятся, такъ какъ на немъ уже провалились многія общины. Такъ, по крайней мѣрѣ, написано во многихъ книгахъ. А между тѣмъ, это будетъ совершенно невѣрно. Когда коммунистическія общины проваливались, то причины неудачи обыкновенно бывали совсѣмъ не въ общемъ трудѣ.

Во первыхъ, замѣтимъ, что почти всѣ такія общины основывались въ силу полу-религіознаго увлеченія. Основатели такихъ общинъ рѣшали стать „глашатаями человѣчества, піонерами великихъ идей“, и слѣдовательно—подчинятъся строжайшимъ правиламъ мелочно-требовательной „высокой“ нравственности, „переродиться“ благодаря общинной жизни, и наконецъ, отдавать все свое время, во время работы, своей общинѣ—жить исключительно для нея.

Все это очень хорошо, даже прекрасно: именно такимъ самопожертвованіемъ и проводятся въ жизнь новыя мысли. Но, поступать такъ, значило—поступать, какъ дѣлали въ старину отшельники; то-есть требовать отъ людей—безо всякой нужды—чтобы они стали чѣмъ то другимъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. И только недавно, совсѣмъ недавно, стали основываться общины, преимущественно рабочими-анархистами, безо всякихъ такихъ высокихъ цѣлей—просто съ цѣлью избавиться отъ обиранія хозяиномъ-капиталистомъ.

* * *

Другая ошибка коммунистовъ состояла въ томъ, что они непремѣнно желали устроиться по образцу *семьи* и основать „великую семью братьевъ и сестеръ“. Ради этого они селились подъ однимъ кровомъ, гдѣ имъ приходилось всю жизнь оставаться въ обществѣ все тѣхъ же „братьевъ и сестеръ“. Но тѣсное сожительство, подъ однимъ кровомъ, вообще,—вещь нелегкая. Два родныхъ брата и то не всегда уживаются въ одной избѣ, или въ одной квартирѣ. А потому

было коренною ошибкою налагать на всѣхъ членовъ жизнь „большою семьею“ вмѣсто того, чтобы, напротивъ, обезпечить каждому наибольшую свободу и наибольшее сохраненіе внутренней жизни каждой семьи. Уже то, что русскіе духоборы, напримѣръ, живутъ въ отдѣльныхъ избахъ—гораздо лучше обезпечиваетъ сохраненіе ихъ полу-коммунистическихъ общинъ, чѣмъ жизнь въ одномъ монастырѣ.

Затѣмъ, *маленькая* община не можетъ долго просуществовать. Извѣстно, что люди, вынужденные жить очень тѣсно, на пароходѣ, или въ тюрьмѣ, и обреченные на то, чтобы получать очень небольшое количество внѣшнихъ впечатлѣній, начинаютъ просто не выносить другъ друга (вспомните собственный опытъ, или хоть Нансена съ его товарищами). И въ маленькой общинѣ, довольно двумъ человѣкамъ стать на враждебныя отношенія, чтобы, при бѣдности внѣшнихъ впечатлѣній, общинѣ пришлось распасться,—тѣмъ болѣе, что всѣ такія братства еще уединяются отъ другихъ.

Поэтому, основывая маленькую общину, такъ и слѣдовало бы знать заранѣе, что больше нѣсколькихъ лѣтъ она не можетъ прожить. Если бы она прожила долѣе, то пришлось бы даже пожалѣть объ этомъ. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что ея члены, или дали себя поработить однимъ изъ нихъ, или совершенно обезличились.

Но такъ какъ можно заранѣе быть увѣреннымъ, что маленькая община долго не проживетъ, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, имѣть десятокъ или два такихъ общинъ, объединенныхъ союзнымъ договоромъ. Въ такомъ случаѣ, тотъ, кто по той или другой причинѣ захочетъ оставить свою общину, сможетъ, по крайней мѣрѣ, перейти въ другую, а его мѣсто можетъ занять кто-нибудь со стороны. Иначе братство гибнетъ изъ за раздоровъ, причемъ (какъ оно бываетъ въ большинствѣ случаевъ) его имущество попадаетъ въ руки одного изъ членовъ—наиболѣе хитраго и ловкаго „брата“. Эту мысль, о необходимости союзнаго договора между братствами, я настоятельно предлагаю всѣмъ тѣмъ, которые

продолжаютъ основывать коммунистическія общины. Она родилась не изъ теоріи, а изъ опыта послѣднихъ лѣтъ, особенно въ Англіи, гдѣ нѣсколько общинъ попало въ руки отдѣльныхъ „братьевъ“, именно изъ-за отсутствія болѣе широкой организаціи.

* * *

Маленькія общины, основанныя во множествѣ за послѣднія тридцать лѣтъ, гибли еще по одной, весьма важной причинѣ. Онѣ уединялись „отъ міра сего“. Но борьба и жизнь, одушевленная борьбою,—для человѣка дѣятельнаго гораздо нужнѣе, необходимѣе, чѣмъ сытый обѣдъ. Потребность жить съ людьми, окунуться въ бурный потокъ общественной жизни, принять участіе въ борьбѣ, жить жизнью другихъ и страдать ихъ страданіями, особенно сильна въ молодомъ поколѣніи. Поэтому, какъ это отлично замѣтилъ мнѣ Николай Чайковскій,—вынесшій это изъ личнаго опыта,—молодежь, какъ только она подходитъ къ восемнадцати годамъ, неизбѣжно покидаетъ свою общину; и молодежь неизбѣжно будетъ покидать свои общины, если онѣ не слились съ остальнымъ міромъ и не живутъ его жизнью. Между тѣмъ, большинство коммунъ (за исключеніемъ двухъ, основанныхъ нашими друзьями въ Англіи, возлѣ большихъ городовъ) до сихъ поръ, прежде всего, считало нужнымъ удалиться въ пустыню.

Замѣчу еще, что коммунисты поступавшіе такимъ образомъ дѣлали еще другую ошибку. Беря даромъ, или покупая за болѣе дешевую цѣну землю въ мѣстахъ, еще мало заселенныхъ, они тѣмъ самымъ прибавляли ко всѣмъ трудностямъ новой для нихъ жизни, еще всѣ тѣ трудности, съ которыми приходится бороться всякому поселенцу на новыхъ мѣстахъ, вдали отъ городовъ и большихъ дорогъ. А трудности эти, какъ извѣстно по опыту, очень велики. Правда, что они получали землю за дешевую плату; но опытъ коммуны около Ньюкастля доказалъ намъ, что въ матерьяльномъ отношеніи община гораздо лучше и скорѣе обезпечиваетъ свою жизнь, *занимаясь огородничествомъ и садоводствомъ* (въ значительной мѣрѣ въ парникахъ и оранжереяхъ), а не поле-

водствомъ; причемъ, вблизи большого города, ей обезпеченъ сбытъ плодовъ и овощей, которыми оплачивается даже высокая арендная плата за землю. Самый трудъ огородника и садовника несравненно доступнѣе городскому жителю, чѣмъ полевое хозяйство, а тѣмъ болѣе—расчистка нови въ незаселенныхъ пустыняхъ.

* * *

Наконецъ, еще одною, едва ли не главною, причиною распаденія такихъ общинъ являлось, почти всегда, ихъ желаніе—дать себѣ начальство. Тѣ изъ нихъ, которыя низводили свое правительство до наименьшей степени, или вовсе не имѣли никакого, какъ, напримѣръ, Молодая Икарія въ Америкѣ, еще преуспѣвали лучше и держались дольше другихъ (тридцать-пять лѣтъ). Оно и понятно. Самое большое ожесточеніе между людьми возникаетъ всегда на политической почвѣ, изъ-за преобладанія, изъ-за власти; а въ маленькой общинѣ споры изъ-за власти тѣмъ неизбѣжнѣе ведутъ ее къ распаденію. Въ большомъ городѣ мы еще можемъ жить о бокъ съ нашими политическими противниками, такъ какъ мы не вынуждены сталкиваться съ ними безпрестанно. Но,—какъ жить, съ ними въ маленькой семьѣ, гдѣ приходится сталкиваться каждую минуту? Политическіе споры и интриги изъ-за власти переносятся здѣсь въ мастерскую, въ огородъ, въ коровникъ, въ комнату гдѣ люди собираются для отдыха—и жизнь становится невозможною.

* * *

Вотъ главныя причины распаденія основанныхъ до сего времени общинъ.

Что же касается до коммунистическаго труда сообща, *до общиннаго производства,* то, именно, оно всегда удавалось вполнѣ. Ни въ одномъ коммерческомъ предпріятіи, возрастаніе цѣнности земли, приданной ей трудомъ человѣка, не было

такъ велико, какъ оно было въ любой, въ *каждой* изъ общинъ основанныхъ за послѣдніе сто лѣтъ въ Европѣ или въ Америкѣ. Рѣдкая отрасль промышленности давала такую прибыль, какъ промышленныя производства, основанныя на коммунистическихъ началахъ—будь ли то меннонитская мельница, или фабрикація суконъ, или рубка лѣса, или выращиваніе плодовыхъ деревьевъ. Можно назвать сотни общинъ, въ которыхъ, въ нѣсколько лѣтъ, земля, неимѣвшая сначала никакой цѣнности, получала цѣнность въ десять, или даже во сто разъ большую.

Ошибки въ хозяйствѣ, конечно, случались, въ коммунистическихъ общинахъ, какъ и вездѣ. Но извѣстно, что въ промышленномъ мірѣ число банкротствъ бываетъ, изъ года въ годъ, отъ 60-ти до 80-ти на каждыя сто новыхъ предпріятій. Изъ каждыхъ пяти вновь основанныхъ предпріятій, три или четыре банкротятся въ первыя же пять лѣтъ послѣ ихъ основанія. Но ничего подобнаго не было съ коммунистическими общинами.

Поэтому, когда буржуазныя газеты, желая быть остроумными, совѣтуютъ дать анархистамъ особый островъ и предоставить имъ тамъ основать свою коммуну, то, пользуясь опытомъ прошлаго, мы ничего не имѣемъ противъ такого предложенія. Мы только потребуемъ чтобы этотъ островъ былъ Островъ Франціи (провинція Ile-de-France, въ которой лежитъ Парижъ), и чтобы намъ отдѣлили нашу долю общественнаго богатства, сколько его придется на человѣка. А такъ какъ намъ не дадутъ ни Иль-де-Франсъ, ни нашу долю общественнаго капитала, то мы когда-нибудь сами возьмемъ и то и другое, путемъ Соціальной Революціи. И то сказать, Парижъ и Барселона были не такъ-то уже далеко отъ этого въ 1871-мъ году,—а съ тѣхъ поръ коммунистическіе взгляды успѣли-таки распространиться среди рабочихъ.

При этомъ, всего важнѣе то, что нынче рабочіе начинаютъ понимать, что одинъ какой-нибудь *городъ*, если бы онъ ввелъ у себя коммунистическій строй, не распространивши его на сосѣднія деревни, встрѣтилъ бы на своемъ пути очень

большія трудности. Ввести коммунистическую жизнь слѣдовало бы сразу въ извѣстной *области*,—напримѣръ въ цѣломъ Американскомъ Штатѣ, Огайо, или Илахо, какъ говорятъ наши американскіе друзья, соціалисты. И они правы. Сдѣлать первые шаги къ осуществленію коммунизма, надо будетъ въ довольно большой, промышленной и земледѣльческой области, а отнюдь не въ одномъ только городѣ. Городъ безъ деревни, не сможетъ жить.

III.

Намъ такъ часто приходилось уже доказывать, что государственный коммунизмъ не возможенъ, что мы не станемъ вновь перечислять наши доводы. Самое лучшее доказательство то, что сами государственники—то-есть, защитники, соціалистическаго *государства* — не вѣрятъ въ возможность коммунизма, устроеннаго подъ палкой государства.

Одни изъ нихъ такъ заняты „завоеваніемъ власти“ (conquête des pouvoirs) *въ теперешнемъ, буржуазномъ государствѣ*, что они вовсе даже не стараются выяснить, что такое подразумѣваютъ они подъ именемъ соціалистическаго государства, которое не было бы вмѣстѣ съ тѣмъ осуществленіемъ *государственнаго капитализма*, то-есть такого строя, при которомъ всѣ граждане становятся работниками, получающими задѣльную плату отъ государства. Когда мы имъ говоримъ, что они стремятся именно къ этому, они сердятся; но, несмотря на это, они вовсе не стараются выяснить, какую другую форму общественныхъ отношеній они желали бы осуществить. Причина этого понятна. Такъ какъ они не вѣрятъ въ возможность *близкой* соціальной революціи, они стремятся захватить часть власти въ теперешнемъ буржуазномъ государствѣ, и представляютъ будущему, чтобы оно само опредѣлило свое направленіе.

Что касается до тѣхъ, которые пробовали набросать картину будущаго общества, то, когда мы имъ указывали, что, придавая широкое развитіе государственному началу,

они тѣмъ самымъ подрываютъ ту небольшую личную свободу, которую человѣчеству удалось уже отвоевать, они, обыкновенно, отвѣчали, что вовсе не хотятъ надъ собою власти, а только хотятъ завести Статистическіе комитеты. Но это— простая игра словами. Теперь достаточно уже извѣстно, что единственная путная статистика исходитъ отъ самой личности. Только сама личность, каждая въ отдѣльности, можетъ дать точныя статистическія свѣдѣнія насчетъ своего возраста, занятій и общественнаго положенія и подвести итоги тому, что каждый изъ насъ произвелъ и потребилъ. Такъ и собирается теперь статистика, когда составители дѣйствительно хотятъ, чтобы ихъ цифры заслуживали довѣрія. Такъ дѣлались между прочимъ и наши „подворныя описи“ честными земскими статистиками изъ молодежи.

Вопросы, которые надо поставить каждому обывателю, вырабатываются обыкновенно добровольцами (учеными, статистическими обществами), и роль статистическихъ комитетовъ сводится теперь на то, что они раздаютъ печатные листы съ вопросами, а потомъ сортируютъ карточки и подводятъ итоги, при помощи вычислительныхъ машинъ. Поэтому,— утверждать, что соціалистъ такъ именно и понимаетъ государство, и что никакой другой власти онъ ему и не хочетъ вручать, значитъ (если сказано искренно), попросту „отступить съ честью“. Подъ словомъ Государство, во всѣ вѣка, да и самими государственниками-соціалистами, понимался, вовсе не разсыльный, разносящій листы переписи, и не счетчикъ, подводящій итоги переписи, а дѣйствительные *распорядители народной жизни*. Надо и то сказать, что бывшіе якобинцы порядкомъ посбавили за послѣднее время со своихъ восторговъ передъ диктатурой и соціалистической централизаціей, которыя они такъ горячо проповѣдывали лѣтъ тридцать тому назадъ. Нынче никто изъ нихъ не рѣшится утверждать, что потребленіе и производство картошекъ должно устанавливаться изъ Берлина парламентомъ нѣмецкаго *фолькштата* (Народнаго Государства). Подобный вздоръ уже перестали утверждать.

Такимъ образомъ, Коммунистическое Государство есть утопія, отъ которой начинаютъ отказываться тѣ самые, которые прежде стояли за нее,—и давно пора заняться другимъ, болѣе серьезнымъ вопросомъ. А именно: Анархическій, то-есть, свободный и безъ-государственный Коммунизмъ не представляетъ-ли также опасности для свободнаго развитія личности? Не повлечетъ-ли онъ за собою тоже уменьшенія свободы личности и подавленія личнаго почина?

* * *

Дѣло въ томъ, что во всѣхъ разсужденіяхъ о Свободѣ, намъ приходится считаться съ цѣлою кучею ложныхъ представленій, завѣщанныхъ намъ вѣками рабства и религіознаго гнета.

Экономисты толкуютъ намъ, что договоръ, заключаемый рабочимъ, подъ угрозою голода, съ его хозяиномъ, именно, и есть сама свобода. Политиканы всякихъ партій стараются, съ своей стороны, убѣдить насъ, что теперешнее положеніе гражданина, попавшаго въ крѣпость ко всемогущему государству, есть, именно, то, что слѣдуетъ называть свободою. И, наконецъ, моралисты, даже самые крайніе, какъ Милль и его многочисленные послѣдователи, опредѣляютъ понятіе о свободѣ, какъ *право дѣлать все, лишь-бы не нарушать такое же право всѣхъ остальныхъ*. Не говорю уже о томъ, что слово *„право“*, унаслѣдованное нами изъ смутныхъ стародавнихъ временъ, ничего не говоритъ, или говоритъ слишкомъ много; но опредѣленіе Милля позволило философу Спенсеру, очень многимъ писателямъ и даже нѣкоторымъ индивидуалистамъ-анархистамъ, какъ, напримѣръ, Теккеру, оправдать и возстановить всѣ права государства, включая судъ, наказаніе и даже смертную казнь.—Такимъ образомъ, они въ сущности возсоздали то самое государство, противъ котораго выступили сначала съ такою силою. Притомъ, мысль о „свободной волѣ“ скрывается подъ всѣми этими разсужденіями.

* *

Оставляя въ сторонѣ полубезсознательные поступки человѣка и беря только сознательные, (на нихъ только и стараются оказать вліяніе законъ, религіи и системы наказанія)—беря только сознательные поступки человѣка, каждому изъ нихъ предшествуетъ нѣкоторое разсужденіе въ нашемъ мозгу.—„Выйду-ка я погулять“, проносится у насъ мысль...—„Нѣтъ, я назначилъ свиданіе пріятелю“, проносится другая мысль. Или же: „Я обѣщалъ кончить мою работу“, или—„Женѣ и дѣтямъ скучно будетъ однимъ“, или же, наконецъ: „Я потеряю свое мѣсто, если я не пойду на работу“.

Въ этомъ послѣднемъ разсужденіи сказался страхъ наказанія. Въ трехъ же первыхъ, человѣкъ имѣлъ дѣло только съ самимъ собою—со своими честными привычками, или со своими личными привязанностями. И въ этомъ состоитъ вся разница между *свободнымъ* и *несвободнымъ* состояніемъ. Человѣкъ, которому пришлось сказать себѣ: „Я отказываюсь отъ такого-то удовольствія, чтобы избѣжать такого-то наказанія“—человѣкъ несвободный.

И вотъ мы утверждаемъ, что человѣчество *должно* освободиться отъ страха наказанія, уничтоживъ само наказаніе; и что оно *можетъ* устроиться на анархическихъ началахъ, при которыхъ исчезнетъ страхъ наказанія и даже страхъ порицанія. Къ этому идеалу мы и стремимся.

Мы прекрасно знаемъ, что человѣкъ *не можетъ* освободиться ни отъ привычекъ извѣстной честности (напримѣръ, отъ привычки быть крѣпкимъ своему слову), ни отъ своихъ привязанностей (нежеланіе причинить боль, или даже огорченіе тѣмъ, кого мы любимъ, или кого мы не хотимъ обмануть въ ихъ ожиданіи). Въ этомъ смыслѣ, человѣкъ *никогда не можетъ быть свободенъ*. Даже Робинзонъ не былъ свободенъ, въ этомъ смыслѣ, на своемъ островѣ. Разъ онъ началъ долбить свою лодку, обрабатывать огородъ, или запасать провизію на зиму, онъ уже былъ захваченъ своимъ трудомъ. Если онъ вставалъ лѣнивый и хотѣлъ поваляться въ своей пещерѣ, онъ колебался минуту, а затѣмъ шелъ къ своей

начатой работѣ. Съ той же минуты, какъ у него завелся товарищъ-собака, или нѣсколько козъ, а въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ встрѣтился съ Пятницею, онъ уже не былъ *вполнѣ свободенъ,* въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово нерѣдко употребляется въ жару спора и иногда на публичныхъ собраніяхъ.

У него уже были *обязанности,* онъ уже вынужденъ былъ заботиться объ *интересахъ другого,* онъ уже не былъ тѣмъ „полнымъ индивидуалистомъ", котораго намъ иногда расписываютъ, въ видѣ поразительнаго парадокса, въ спорахъ объ Анархіи. Съ той же минуты, какъ у Робинзона завелась бы жена и дѣти—кто бы ихъ ни воспитывалъ: самъ ли онъ или „общество"—у него возникли бы еще новыя обязательства; но даже съ той минуты, какъ у него завелись хоть одно домашнее животное и огородъ, требующій поливки и ухода въ извѣстные часы дня,—онъ уже не былъ болѣе тѣмъ „знать ничего не хочу", „эгоистомъ", „индивидуалистомъ" и тому подобное, которыхъ намъ иногда выставляютъ типами свободнаго человѣка. Ни на Робинзоновомъ островѣ, ни, еще менѣе, въ обществѣ, *какъ бы оно ни было устроено,* такого вольнаго гультяя не существуетъ.

Человѣкъ всегда принималъ, и всегда будетъ принимать въ разсчетъ интересы хоть нѣсколькихъ другихъ людей,—и будетъ принимать ихъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ между людьми будутъ устанавливаться болѣе и болѣе тѣсныя взаимныя отношенія,—а также и по мѣрѣ того, какъ эти другіе сами будутъ опредѣленнѣе заявлять свои желанія и свои чувства и настаивать на ихъ удовлетвореніи.

Вслѣдствіе этого, мы не можемъ дать Свободѣ никакого другого опредѣленія, кромѣ слѣдующаго:

Свобода есть возможность дѣйствовать, не вводя въ обсужденіе своихъ поступковъ боязни общественнаго наказанія (тѣлеснаго, или страха голода, или даже боязни порицанія, если только оно не исходитъ отъ друга).

IV.

Понимая Свободу въ этомъ смыслѣ—а я сомнѣваюсь, чтобы можно было дать ей другое, болѣе широкое, и вмѣстѣ съ тѣмъ конкретное (вещественное) опредѣленіе—мы должны признать, что Коммунизмъ, конечно, *можетъ* уменьшить, и даже убить всякую личную свободу (во многихъ общинахъ такъ и дѣлали); но что онъ *также можетъ* расширить эту свободу до ея послѣднихъ предѣловъ; и что только при этомъ условіи—расширеніи личной свободы—онъ сможетъ утвердиться въ человѣческихъ обществахъ.

Все будетъ зависѣть отъ того, *съ какими основными воззрѣніями мы приступимъ къ коммунизму. Сама коммунистическая форма общежитія отнюдь не обусловливаетъ подчиненія личности. Большій же или меньшій просторъ, предоставленный личности въ данной формѣ общежитія,—если только она не устроена заранѣе въ подначальной, пирамидальной формѣ,—опредѣляется тѣми воззрѣніями на необходимость личной свободы, которыя вносятся людьми въ то или другое общественное учрежденіе.*

Сказанное справедливо по отношенію ко всякой формѣ общественной или совмѣстной жизни. Когда два человѣка селятся вмѣстѣ въ одной квартирѣ, ихъ совмѣстная жизнь можетъ привести одинаково—либо къ подчиненію одного изъ нихъ другому, либо къ установленію между ними отношеній равенства и свободы для обоихъ. То же самое будетъ, если мы возьмемся вдвоемъ копать огородъ, или издавать газету; и то же самое относится до всякаго другого союза или артели и всякой формы общественной жизни. Такимъ образомъ, въ десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкѣ, въ городахъ того времени создавались общины вольныхъ и равныхъ людей; но въ тѣхъ же самыхъ общинахъ, четыреста лѣтъ спустя, народъ, подъ вліяніемъ ученій Церкви и Римскаго Права, требовалъ диктатуры какого-нибудь монаха. Учрежде-

нія городского суда, цеховое устройство и прочее остались тѣ же; но тѣмъ временемъ, въ городахъ развились понятія Римскаго Права, верховной Церкви и государственнаго права, тогда какъ первоначальныя понятія о третейскомъ судѣ, о свободномъ договорѣ и о личномъ починѣ притупились, исчезли;—и изъ этого родилась рабская приниженность семнадцатаго и начала восемнадцатаго вѣка въ средней Европѣ.

* * *

Если присмотрѣться внимательнѣе, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ всѣхъ испробованныхъ до сихъ поръ формъ общественной организаціи и учрежденій, коммунизмъ еще больше всѣхъ другихъ можетъ обезпечить свободу личности—если только основною идеею общины будетъ Свобода, Анархія.

Коммунизмъ можетъ принять всѣ формы, начиная съ полной свободы личности и кончая полнымъ порабощеніемъ всѣхъ—между тѣмъ какъ другія формы общественной жизни не могутъ проявляться безразлично въ томъ или другомъ видѣ: тѣ изъ нихъ, напримѣръ, которыя не признаютъ гражданскаго и имущественнаго равенства, неизбѣжно влекутъ за собою порабощеніе однихъ людей другими. Коммунизмъ же можетъ проявиться, напримѣръ, въ формѣ монастыря, въ которомъ всѣ монахи безусловно подчиняются волѣ настоятеля; но онъ можетъ выразиться и въ формѣ вполнѣ свободной артели, въ которой каждый членъ сохраняетъ полнѣйшую независимость, причемъ сама артель существуетъ только до тѣхъ поръ, покуда ея члены желаютъ этого, и, нисколько не стремясь накладывать принужденіе, стараются еще защищать свободу каждаго и расширять ее во всѣхъ направленіяхъ.

Коммунизмъ, конечно, можетъ быть начальническимъ, принудительнымъ,—и въ этомъ случаѣ, какъ показываетъ опытъ, община скоро гибнетъ,—или же онъ можетъ быть

анархическимъ. Тогда какъ, напримѣръ, государство, будь оно основано на крѣпостномъ правѣ или на коллективизмѣ, роковымъ образомъ *должно* быть принудительнымъ. Иначе оно перестаетъ быть государствомъ!

* *
*

Что коммунизмъ, лучше всякой другой формы общежитія, можетъ обезпечить *экономическую* свободу—ясно изъ того, что онъ вполнѣ можетъ обезпечить каждому члену общества благосостояніе, и даже удовлетвореніе потребностей роскоши, требуя взамѣнъ не болѣе четырехъ или пяти часовъ работы въ день вмѣсто того, чтобы требовать отъ него десять, или девять, или хотя бы даже восемь часовъ въ день. Дать каждому досугъ, въ теченіе десяти или одиннадцати часовъ изъ тѣхъ шестнадцати часовъ въ сутки, которые представляютъ нашу сознательную жизнь (около восьми часовъ надо положить на сонъ)—уже значитъ расширить свободу личности настолько, что такого расширенія человѣчество добивается, какъ идеала, вотъ уже сколько тысячъ лѣтъ. Въ настоящее время, при нашихъ могучихъ способахъ производства, это, однако, *вполнѣ возможно*. Въ коммунистическомъ обществѣ человѣкъ легко можетъ имѣть каждый день полныхъ десять часовъ досуга, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться благосостояніемъ. А такой досугъ уже представляетъ освобожденіе отъ одной изъ самыхъ тяжелыхъ барщинъ, существующихъ теперь въ буржуазномъ строѣ. Досугъ, самъ по себѣ, уже составляетъ громадное расширеніе личной свободы.

Затѣмъ,—признать всѣхъ людей равными и отречься отъ управленія человѣка человѣкомъ,—опять-таки представляетъ расширеніе свободы личности; причемъ мы не знаемъ никакой другой формы общежитія, при которой это увеличеніе личной свободы могло бы быть достигнуто въ той же мѣрѣ. Но достичь этого возможно только тогда, когда первый шагъ будетъ сдѣланъ,—то-есть, когда каждому члену

общества будетъ обезпечено существованіе, и когда никто не будетъ вынужденъ продавать свою силу и свой умъ тому барину, который соблаговолитъ воспользоваться этой силой ради собственной наживы.

Наконецъ,—признать, какъ это дѣлаютъ коммунисты, что первое основаніе всякаго дальнѣйшаго развитія и прогресса общества есть *разнообразіе занятій*,—опять-таки представляетъ расширеніе свободы личности. Если каждый членъ общества можетъ отдаваться, въ часы досуга, чему ему вздумается въ области науки, искусства, творчества, общественной дѣятельности и изобрѣтенія; и если въ самые часы работы онъ имѣетъ возможность работать въ разнообразныхъ отрасляхъ производства, а само воспитаніе ведется сообразно этой цѣли—въ коммунистическомъ же обществѣ это вполнѣ возможно,—то этимъ достигается еще большее увеличеніе свободы, такъ какъ передъ каждымъ изъ насъ широко раскрывается возможность расширить свои личныя способности во всѣхъ направленіяхъ. Области, прежде недоступныя, какъ наука, художество, творчество, изобрѣтенія и такъ далѣе, открываются для каждаго.

Въ какой мѣрѣ личная свобода осуществится въ каждой общинѣ, или въ каждомъ союзѣ общинъ, будетъ зависѣть исключительно отъ основныхъ воззрѣній, которыя возьмутъ верхъ при основаніи общинъ. Такъ напримѣръ, мы знаемъ одну обширную религіозную общину, въ которой человѣку возбранялось даже выражать свое внутреннее настроеніе. Если онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, и горе выражалось на его лицѣ, къ нему немедленно подходилъ одинъ изъ „братьевъ“ и говорилъ: „Тебѣ грустно, братъ? А ты все-таки сострой веселое лицо: иначе огорчительно подѣйствуешь на другихъ братьевъ и сестеръ“. И мы знаемъ одну англійскую общину, состоявшую изъ семи человѣкъ, въ которой одинъ изъ членовъ—Кочкаревы водятся и между соціалистами—требовалъ назначенія предсѣдателя („съ правомъ бранить“) и четырехъ комитетовъ: садоводства, продовольствія, домаш-

няго хозяйства и вывоза, съ полными правами для предсѣдателя каждаго изъ комитетовъ. Есть, конечно, общины, которыя были основаны, или были наводнены со временемъ, такими „преступными фанатиками власти“ (особый типъ, рекомендуемый доктору Ломброзо); и не мало общинъ было основано фанатиками „поглощенія личности обществомъ“. Но такихъ фанатиковъ произвелъ не коммунизмъ. Ихъ породило Церковное Христіанство (глубоко-начальническое въ своихъ основныхъ началахъ) и Римское Право,—то-есть государство и его ученія. Эти государственныя воззрѣнія,—въ силу которыхъ никакое общество не можетъ яко-бы существовать безъ судьи и сѣкутора, вооруженнаго розгами и сѣкирою,—дѣйствительно останутся угрозою и помѣхою коммунизму, пока люди не отдѣлаются отъ нихъ. Но основное начало коммунизма—вовсе не начальство, а то простое утвержденіе, что для общества выгоднѣе и лучше овладѣть всѣмъ, что нужно для производства и жизни сообща, производить нужное сообща, и потреблять сообща, не высчитывая, что каждый изъ насъ произвелъ и потребилъ. Это основное понятіе ведетъ къ освобожденію, къ Свободѣ, а не къ порабощенію.

* * *

Мы можемъ, такимъ образомъ, высказать слѣдующія **Заключенія**:

До сихъ поръ, попытки коммунизма кончались неудачею, потому что:

Онѣ имѣли исходною точкою религіозный восторгъ, тогда какъ въ Общинѣ слѣдовало просто видѣть экономный способъ производства и потребленія;

Онѣ отчуждались отъ Общества, его жизни и его борьбы;

Онѣ были пропитаны духомъ начальствованія;

Онѣ оставались одиночными, вмѣсто того, чтобы соединяться въ союзы: общины были слишкомъ малы;

Онѣ требовали отъ своихъ членовъ такого количества труда, которое не оставляло имъ никакого досуга, и стремились всецѣло поглотить ихъ;

Онѣ были основаны, какъ сколки съ патріархальной и подчиненной семьи, тогда какъ имъ слѣдовало, наоборотъ, поставить себѣ основною цѣлью наивозможно-полное освобожденіе личности.

Коммунизмъ—учрежденіе хозяйственное; и, какъ таковое, онъ отнюдь не предрѣшаетъ, какая доля свободы будетъ предоставлена въ общинѣ личности, почину личности и отпору, который встрѣтитъ въ отдѣльныхъ личностяхъ стремленіе однажды установленныхъ обычаевъ къ утвержденію на-вѣки, въ опредѣленной, окаменѣлой формѣ. Коммунизмъ можетъ стать подначальнымъ, и въ такомъ случаѣ община неизбѣжно гибнетъ; и онъ *можетъ* быть вольнымъ, и привести въ такомъ случаѣ, какъ это случилось даже при неполномъ коммунизмѣ въ городахъ двѣнадцатаго вѣка, къ зарожденію новой цивилизаціи, новой жизни, обновившей тогда Европу.

Изъ этихъ двухъ формъ коммунизма—вольнаго и подначальнаго—только тотъ и будетъ имѣть задатки прогресса и жизни, который сдѣлаетъ все, что возможно, чтобы расширить свободу личности во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, свобода личности, увеличенная ея досугомъ, возможностью обезпечить себѣ благосостояніе и вольнымъ трудомъ, при меньшемъ числѣ рабочихъ часовъ,—нисколько не пострадаетъ болѣе, чѣмъ, напримѣръ, отъ проводимаго теперь городскаго газа или

городской воды, или же отъ современной гостиницы, и отъ того, что мы теперь, въ часы работы, вынуждены вести ее сообща, съ тысячами другихъ людей.

Имѣя анархію, какъ цѣль и какъ средство, коммунизмъ становится возможенъ, тогда какъ безъ этой цѣли и средства, онъ долженъ обратиться въ закрѣпощеніе личности и, слѣдовательно, привести къ неудачѣ.

